

Эдвард Олби. Что случилось в зоопарке

THE ZOO STORY (1958)

Перевод Н. Трениной

Издательство "Прогресс", Москва 1976

Осг Longsoft <http://ocr.krossw.ru>, апрель 2007

Пьеса в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Питер

лет сорока с небольшим, не толстый и не худой, не красавец и не урод. На нем костюм из твида и очки в роговой оправе. Курит трубку. И хотя он, так сказать, уже входит в средний возраст, стиль его одежды и манера себя держать почти юношеские.

Джерри

лет под сорок, одет не столько бедно, сколько неряшливо. Когда-то подтянутая, мускулистая фигура начинает обрастать жирком. Сейчас его нельзя назвать красивым, но следы былой привлекательности видны еще довольно ясно. Тяжелая походка, вялость движений объясняются не распушенностью; если присмотреться внимательнее, видно, что этот человек безмерно устал.

Сентрал-парк в Нью-Йорке; летний воскресный день. Две садовые скамьи по обе стороны сцены, за ними — кусты, деревья, небо. На правой скамье сидит Питер. Он читает книгу. Кладет книгу на колени, протирает очки и снова углубляется в чтение. Входит Джерри.

Джерри. Я сейчас был в зоопарке.

Питер не обращает на него внимания.

Я говорю, я только что был в зоопарке. МИСТЕР, Я БЫЛ В ЗООПАРКЕ!

Питер. А?.. Что?.. Простите, это вы мне?..

Джерри. Я был в зоопарке, потом шел пешком, пока вот не очутился здесь. Скажите, я шел на север?

Питер (озадаченно). На север?.. Да... Вероятно. Дайте-ка сообразить.

Джерри (тычет пальцем в зал). Это Пятая авеню?

Питер. Это? Да... Да, конечно.

Джерри. А это что за улица, что ее пересекает? Вон та, направо?

Питер. Вон та? О, это Семьдесят четвертая.

Джерри. А зоопарк возле Шестьдесят пятой, значит, я шел на север.

Питер (*ему не терпится вернуться к чтению*). Да, по-видимому, так.

Джерри. Добрый старый север.

Питер (*почти машинально*). Ха-ха.

Джерри (*после паузы*). Но не прямо на север.

Питер. Я... Ну да, не прямо на север. Так сказать, в северном направлении.

Джерри (*смотрит, как Питер, стремясь отделаться от него, набивает трубку*). Вы что, хотите нажить себе рак легких?

Питер (*не без раздражения вскидывает на него гла-за, но затем улыбается*). Нет, сэр. От этого не наживешь.

Джерри. Правильно, сэр. Вернее всего, вы получите рак во рту и вам придется вставить такую штуку, какая была у Фрейда после того, как ему удалили полчелюсти. Как они называются, эти штуки?

Питер (*нехотя*). Протез?

Джерри. Именно! Протез. Вы образованный человек, не правда ли? Вы случайно не врач?

Питер. Нет, просто я об этом где-то читал. Кажется, в журнале «Тайм». (*Берется за книгу.*)

Джерри. По-моему, журнал «Тайм» не для болванов.

Питер. По-моему, тоже.

Джерри (*после паузы*). Очень хорошо, что там Пятая авеню.

Питер (*рассеянно*). Да.

Джерри. Терпеть не могу западную часть парка.

Питер. Да? (*Осторожно, но с проблеском интереса.*) Почему?

Джерри (*небрежно*). Сам не знаю.

Питер. А! (*Снова уткнулся в книгу.*)

Джерри (*молча глядит на Питера, пока тот, смущенный, не поднимает на него глаза*). Может, поговорим? Или вам не хочется?

Питер (*с явной неохотой*). Нет... отчего же.

Джерри. Я вижу, вам не хочется.

Питер (*кладет книгу, вынимает трубку изо рта. Улыбнувшись*). Нет, право же, я с удовольствием.

Джерри. Не стоит, раз вам не хочется.

Питер (*наконец решительно*). Нисколько, я очень рад.

Джерри. Это, как его... Сегодня славный денек.

Питер (*без всякой надобности воззрившись на небо*). Да. Очень славный. Чудесный.

Джерри. А я был в зоопарке.

Питер. Да, кажется, вы уже говорили... не правда ли?

Джерри. Завтра вы об этом прочтете в газетах, если вечером не увидите по телевизору. У вас, наверное, есть телевизор?

Питер. Даже два — один для детей.

Джерри. Вы женаты?

Питер (*с достоинством*). Разумеется!

Джерри. Нигде, слава богу, не сказано, что это обязательно.

Питер. Да... это конечно...

Джерри. Значит, у вас есть жена.

Питер (*не зная, как продолжать этот разговор*). Ну да!

Джерри. И у вас есть дети!

Питер. Да. Двое.

Джерри. Мальчики?

Питер. Нет, девочки... обе — девочки.

Джерри. Но вам хотелось мальчиков.

Питер. Ну... естественно, каждому человеку хочется иметь сына, но...

Джерри (*чуть насмешливо*). Но так рушатся мечты, да?

Питер (*с раздражением*). Я совсем не то хотел сказать!

Джерри. И больше вы не собираетесь иметь детей?

Питер (*рассеянно*). Нет. Больше нет. (*Как бы очнувшись, с досадой.*) Как вы узнали?

Джерри. Может, по тому, как вы кладете ногу на ногу, да еще что-то в вашем голосе. А может быть, случайно догадался. Жена не хочет, да?

Питер (*яростно*). Не ваше дело!

Пауза.

Поняли?

Джерри кивает. Питер успокаивается.

Что ж, это верно. У нас не будет больше детей.

Джерри (*мягко*). Так рушатся мечты.

Питер (*прощая ему это*). Да... пожалуй, вы правы.

Джерри. Ну... Что же еще?

Питер. А что это вы говорили насчет зоопарка... что я об этом прочту или увижу?..

Джерри. Я вам после скажу. Вы не сердитесь, что я вас расспрашиваю?

Питер. О, несколько.

Джерри. Знаете, почему я к вам пристаю? Мне редко приходится разговаривать с людьми, разве только скажешь: дайте кружку пива, или: где тут уборная, или: когда начинается сеанс, или: не давай волю рукам, приятель, — ну и так далее. В общем, сами знаете.

Питер. Честно говоря, не знаю.

Джерри. Но иногда хочется поговорить с человеком — поговорить по-настоящему; хочется узнать о нем все...

Питер (*смеется, все еще ощущая неловкость*). И сегодня ваш подопытный кролик — это я?

Джерри. В такой насквозь солнечный воскресный день лучше нет, чем поговорить с порядочным женатым человеком, у которого есть две дочери и... э-э... собака?

Питер качает головой.

Нет? Две собаки?

Питер качает головой.

Гм. Совсем нет собак?

Питер грустно качает головой.

Ну, это странно! Насколько я понимаю, вы должны любить животных. Кошка?

Питер уныло кивает.

Кошки! Но не может быть, чтобы это вы по своей воле... Жена и дочери?

Питер кивает.

Любопытно, а еще что-нибудь у вас есть?

Питер (*ему приходится откашляться*). Есть... есть еще два попугайчика. У...
гм... у каждой дочки по штуке.

Джерри. Птицы.

Питер. Они живут в клетке, в комнате у моих девочек.

Джерри. Они чем-нибудь болеют?.. Птицы то есть.

Питер. Не думаю.

Джерри. Очень жаль. А то вы могли бы выпустить их из клетки, кошки их сожрали бы и тогда, может быть, и подошли.

Питер растерянно смотрит на него, потом смеется.

Ну, что же еще? Что вы делаете, чтобы прокормить всю эту ораву?

Питер. Я... э-э... я служу в... в одном небольшом издательстве. Мы... э-э... мы издаем учебники.

Джерри. Что же, это очень мило. Очень мило. Сколько вы зарабатываете?

Питер (*все еще весело*). Ну, послушайте!

Джерри. Да бросьте вы. Говорите.

Питер. Ну что ж, я зарабатываю полторы тысячи в месяц, но никогда не ношу с собой больше сорока долларов... так что... если вы... если вы бандит... ха-ха-ха!

Джерри (*игнорируя его слова*). Где вы живете?

Питер колеблется.

Ох, слушайте, я не намерен вас грабить и не собираюсь похищать ваших попугаев, ваших кошек и ваших дочерей.

Питер (*слишком громко*). Я живу между Лексингтон-авеню и Третьей авеню, на Семьдесят четвертой улице.

Джерри. Ну вот видите, не так уж было трудно сказать.

Питер. Понимаете, это не потому, что я... м-м... дело в том, что вы даже не разговариваете со мной, вы просто меня... э-э... будто допрашиваете. А я... вообще-то я человек... гм... сдержанный. Почему вы стоите?

Джерри. Сейчас я немного похожу, потом сяду. (*Вспомнив что-то.*) И вот тогда он увидит выражение его лица.

Питер. Что? Чье лица? Слушайте, это вы опять о зоопарке?

Джерри (*рассеянно*). О чем?

Питер. Да о зоопарке же. Вы опять о зоопарке?

Джерри. О каком зоопарке?

Питер. Вы же несколько раз заговаривали о зоопарке.

Джерри (*так же рассеянно, потом словно вдруг очнувшись*). О зоопарке? Ах да, зоопарк. Я был там сегодня, потом пошел сюда. Я же говорил вам. Скажите, какая разница между вышесреднего-средним классом и нижевысшего-средним классом?

Питер. Знаете, уважаемый, я...

Джерри. Пожалуйста, без «уважаемых».

Питер (*огорченно*). Это получилось как-то фамильярно? Наверно, да. Но понимаете, я как-то растерялся, когда вы спросили о классах.

Джерри. А когда вы растеряны, вы становитесь фамильярным?

Питер. Я... Я иногда не очень умею выражать свои мысли. (*Пытается подшутить над собой.*) Я ведь издатель, а не писатель.

Джерри (*усмехается, но не этой шутке*). Ну ладно. Если говорить правду, то это я фамильярен с вами.

Питер. Нет, что вы.

Джерри. Ладно. Кто ваши любимые писатели? Бодлер и Маркенд?

Питер (*осторожно*). Я многих писателей люблю. У меня довольно универсальные вкусы, если можно так выразиться. Эти двое, конечно, великолепны, каждый в своем роде. (*Воодушевляясь*.) Бодлер, конечно... э-э... гораздо выше, но и Маркенд занимает свое место... в нашей... э-э... отечественной...

Джерри. Бросьте.

Питер. Я... впрочем, прошу прощения.

Джерри. Знаете, что я сделал перед тем, как пойти в зоопарк? Я прошел пешком всю Пятую авеню от Вашингтон-сквер — всю дорогу пешком.

Питер. О, вы живете в Гринич Виллидже! (*Это соображение, видимо, помогает ему что-то понять*.)

Джерри. Нет, я там не живу. Я доехал до Виллиджа на метро, чтобы оттуда по Пятой авеню дойти до зоопарка. Иногда человек должен сделать большой крюк в сторону, чтобы верным и кратчайшим путем вернуться назад. Порой это просто необходимо.

Питер (*почти недовольно*). О, а я думал, вы живете в Гринич Виллидже.

Джерри. Вы что хотите? Сделать все на свете удобопонятным? Навести порядок? Разложить все по полочкам? Ну что ж, могу вам рассказать. Я живу в старом четырехэтажном доме, где сдаются комнаты. Я живу на последнем этаже, мое окно выходит во двор, на западную сторону. Это смехотворно тесная каморка, вместо одной стены там дощатая перегородка, эта перегородка отделяет мою каморку от другой смехотворно маленькой каморки; наверно, когда-то вместо этих двух была одна комнатенка, маленькая, но не настолько смехотворно. За перегородкой живет чернокожий педик, который всегда держит дверь настежь, ну, в общем, не всегда, но ВСЕГДА, когда он выщипывает себе брови, что он делает с буддийской сосредоточенностью. У него гнилые зубы, и притом редкие, и он ходит в японском кимоно, тоже очень реденьком; в этом кимоно он бегаёт на лестницу в клозет и обратно, и это бывает очень часто. То есть он часто ходит в клозет. Ко мне он никогда не пристаёт и никого не приводит в свою каморку. Он выщипывает себе брови, носит кимоно и ходит в клозет, вот и все. На моем этаже есть еще две комнаты окнами на улицу; те, кажется, чуть побольше, но тоже крохотные. В одной живет семья пуэрториканцев: муж, жена и куча детей, сколько именно, я так и не знаю. Там всегда крик и гам. Во второй комнате тоже кто-то живет, но я не знаю кто. Никогда не видел. Никогда.

Питер (*недоуменно*). Почему... почему же вы там живете?

Джерри (*опять рассеянно*). Не знаю. Питер. Очевидно, это малоприятное место... этот дом, где вы живете.

Джерри. О да, это вам не квартира на Семьдесят четвертой улице. Но с другой стороны, у меня же нет одной жены, двух дочек, двух кошек и двух попугайчиков. Что у меня есть? Бритва и мыльница, кое-какая одежонка, электроплитка, которую в этом доме не разрешается держать, консервный нож — такой, знаете, с ключом; нож, пара вилок и пара ложек, столовая и чайная, три тарелки, чашка с блюдцем, стакан, две рамки для фотографий, обе пустые, восемь-девять книжек, колода

порнографических карт, древняя пишущая машинка, которая пишет только заглавные буквы, и маленький ящичек-сейф без замка, в котором лежат... что? Камешки! Морские голыши, которые я собирал на берегу еще ребенком. А под ними... как под прессом... кое-какие письма... «пожалуйста» письма... пожалуйста, не делай того-то и того-то и, пожалуйста, сделай наконец то-то и то-то. И «когдашние» письма тоже. Когда же ты напишешь? Когда ты придешь? Когда?.. Эти письма более поздние.

Питер (*хмуро разглядывает свои ботинки, потом*). А эти две пустые рамки?..

Джерри. Что же тут объяснять? Разве не ясно? У меня нет никого, чьи фотографии я мог бы вставить.

Питер. Но ваши родители... быть может, какая-то женщина...

Джерри. Вы очень умильный человек и обладаете завидной наивностью. Но моя дорогая мамочка и мой дорогой папочка померли... понятно? Я горюю по ним... ей-богу. Но... Они доигрывают свой водевильчик уже на небесах, и я не знаю, почему я должен смотреть на них, чистеньких и прилизанных, в рамках. Моя дорогая мамочка сбежала от папочки, когда мне было десять с половиной лет; пустилась в адюльтерное турне по всем нашим южным штатам... Эта прогулочка длилась целый год... и среди других, очень многих ее привязанностей самой главной и неизменной было чистое виски. Во всяком случае, так уверял меня дорогой папочка, когда съездил на юг и вернулся... привез ее в гробу. Дорогая мамочка отдала богу душу на какой-то свалке в Алабаме. Мы узнали об этом после рождества, перед Новым годом. Когда она испустила дух, так никому там и дела до нее не стало. Да и кто она была? Просто пьянчужка... Пьянчужка откуда-то с Севера. После этого дорогой папочка праздновал Новый год две недели подряд, потом спьяну угодил под автобус. Ну, как будто бы с семейкой все, да? Так нет, нашлась мамочкина сестрица. Она не распутничала и не утешалась бутылочкой. Я стал жить у нее, но, признаться, мало что о ней помню, разве только что она все делала сурово — и спала, и ела, и работала, и молилась. А в тот день, когда я окончил школу, она, представьте, вдруг окочурилась прямо на лестнице у своей и, можно сказать, моей квартиры. Ну прямо анекдот, не правда ли?

Питер. Ах ты... ах ты...

Джерри. Ах — кто?.. Но все это было давно, и уже не вызывает у меня никаких эмоций. Может, вы все же теперь поймете, почему я не вставил в рамки папочку и мамочку. Вас как зовут? Я и забыл спросить.

Питер. Питер.

Джерри. А я — Джерри.

Питер (*с нервным смешком*). Очень приятно.

Джерри (*кивает в ответ*). Теперь подумаем, на кой мне иметь женскую фотокарточку, да еще в двух рамках? Вы помните, у меня же две рамки. Я ни с одной дамочкой больше разу не встречался, и им в голову не приходило дарить мне фотографии. Странно, а черт его знает, может, и грустно это.

Питер. Что они не дарили вам фотографий?

Джерри. Нет. Что ни с одной я не встречался больше раза. Никогда. Я не мог спать... или, как это говорят, заниматься любовью, с женщиной больше одного раза... Одного, вот какое дело... Нет, постоит, целых полторы недели, когда мне было пятнадцать лет... и я сгорал от стыда, что еще не созрел как мужчина... Я

гомосексуалистом стал, понятно? Педиком то есть... и гудели колокола, флаги плескались па ветру. Эти одиннадцать дней я встречался не меньше двух раз в день с сыном сторожа из парка... гречонком, который родился в один день со мной, только годом раньше. Наверно, я был очень влюблен в него... а может, просто в секс. Но то были совсем особые переживания. А теперь мне очень нравятся хорошенькие дамочки, очень. Но на час, не больше.

Питер. Ну, это как раз очень просто...

Джерри (со злостью). Сейчас скажете, что непременно надо жениться и завести попугайчиков?

Питер (тоже сердясь). Что вы прицепились с попугайчиками? Живите один, если вам угодно. Какое мне дело? Не я завел разговор и...

Джерри. Ну ладно, ладно. Извините. Хорошо? Вы не сердитесь?

Питер (засмеявшись). Да нет, не сержусь.

Джерри (с облегчением). Ну и хорошо. (Опять прежним тоном.) Любопытно, что вы поинтересовались рамками. Я думал, вас больше заинтересуют порнографические карты.

Питер (многозначительно улыбнувшись). О, я видел такие карты.

Джерри. Не сомневаюсь. (Смеется.) Должно быть, в школе среди мальчишек они ходили по рукам? А может, у вас имелась собственная колода?

Питер. Да, было такое дело.

Джерри. А перед женитьбой вы ее выбросили.

Питер. Ну, боже мой, конечно, когда я стал взрослым, они мне были не нужны.

Джерри. Серьезно?

Питер (испытывая неловкость). Знаете... мне не хочется говорить о таких вещах.

Джерри. Да? Ну и не говорите. Тем более что я не намерен копаться в вашей взрослой половине жизни и ее трудностях; я просто хотел показать разницу между порнографическими картами в отроческом и зрелом возрасте. Мальчишке эти карты служат заменой практического опыта, а взрослому практический опыт заменяет фантазию. Но вас, кажется, больше интересует, что случилось в зоопарке.

Питер (оживленно). О да, зоопарк!.. (Смутившись.) То есть... разумеется, если вы...

Джерри. Я вам расскажу, почему я пошел в... ладно, я вам кое-что расскажу. Так вот, я живу на четвертом этаже, я вам уже говорил. Очевидно, в этом доме с каждым этажом вниз комнаты становятся лучше. Я не знаю, конечно, так мне кажется. Я не знаю никого с третьего и второго этажа. А нет, постойте. Знаю, что на третьем этаже живет какая-то женщина. Знаю потому, что она все время плачет. Когда бы я ни прошел мимо ее двери, я всегда слышу ее плач — негромкий, но... очень отчетливый. Да, очень отчетливый. Но я, собственно, не о ней, а о собаке и о хозяйке дома... Я не люблю грубо отзываться о людях, но наша хозяйка — это жирная, безобразная, глупая, грязная, злобная, вечно пьяная груда мяса. Вы, должно быть, заметили: я избегаю крепких слов, поэтому не могу описать ее как следует.

Питер. Вы ее описали довольно... ярко.

Джерри. Мерси. Ну так вот, у нее есть собака — я вам расскажу и про собаку; и эта скверная баба со своей собакой сторожит мое жилье. Она вечно торчит внизу у лестницы и следит, чтобы я ничего не таскал в дом и никого не приводил, а к вечеру,

когда она высосет свою обеденную пинту лимонного джина, она останавливает меня в подъезде, хватая за полу или за рукав, норовит затиснуть в угол и наваливается всем своим мерзким телом, чтоб я не препятствовал ей говорить. Запах от нее... Вы себе не представляете... и где-то в уголке ее птичьего мозга, развитого лишь настолько, чтобы она могла есть, пить и испражняться, где-то там шевелится гнусенькая пародия на страсть. И вот я, Питер, я и есть предмет ее потной похоти.

Питер. Это отвратительно. Ужасно...

Джерри. Но я придумал, как ее отваживать. Когда она пристает ко мне, когда она ко мне прижимается и заманивает в свою комнату, я говорю: любовь моя, да разве вчерашнего и позавчерашнего тебе мало? Она пыжится, стараясь вспомнить, щурит свои крохотные гляделки, покачивается, и тут, Питер... тут мне кажется, что в этом истерзанном доме я делаю хоть одно доброе дело... ее немыслимая рожа расплывается в блаженной улыбке, она хихикает и постанывает, думая о вчерашнем и позавчерашнем, она вспоминает то, чего не было. Потом она зовет собаку, это черное чудовище, и уходит к себе. И я спасен до следующей встречи.

Питер. Это... это невероятно. Просто не верится, что такое бывает в жизни...

Джерри (*чуть насмешливо*). Вы думали, это только в книгах так?

Питер (*серьезно*). Да.

Джерри. А факты проще считать выдумкой. Вы правы, Питер. Так вот, я хотел про собаку...

Питер (*нервно*). Ах да, про собаку.

Джерри. Не уходите. Вы ведь еще не уходите?

Питер. М-м... да нет, пожалуй.

Джерри (*как ребенку*). Потому что я сначала расскажу про собаку, а потом, знаете, про что? Потом... потом я расскажу, что случилось в зоопарке.

Питер (*принужденно смеется*). У вас полно всяких историй, правда?

Джерри. Не хотите — не слушайте. Вас никто тут не держит, имейте это в виду.

Питер (*раздраженно*). А я и сам знаю.

Джерри. Знаете? Ну и хорошо.

Последующий длинный монолог должен, мне кажется, сопровождаться почти непрерывным движением, гипнотически действующим и на Питера, и на публику. Кое-что было уже предложено выше, но режиссер и актер, играющий Джерри, разумеется, сами найдут действия для решения этой сцены.

Значит, так. (*Как будто читая огромную афишу.*) ИСТОРИЯ О ДЖЕРРИ И СОБАКЕ! (*Обычным тоном.*) Дело в том, что иной раз необходимо сделать большой крюк в сторону, чтобы вернуться на место кратчайшим путем; впрочем, может, это совсем и не о том. Но именно потому я сегодня отправился в зоопарк и потому шел на север... вернее, в северном направлении, пока не пришел сюда. Ну ладно. Так вот, собака эта — какое-то черное чудовище: огромная морда, крохотные уши, а глаза... красные, кровью налитые, может, больные; и все ребра выпирают наружу. Пес черный, весь сплошь черный как уголь, только глаза красные и... да, и на правой передней лапе открытая рана, тоже красная. Страшилищу этому, как видно, уже немало лет. Ну, что еще... да, иногда он показывает клыки, серо-желто-белые, когда рычит. Вот так — гр-р! Он зарычал на меня, как только увидел впервые, в тот день, когда я въехал в этот дом. И с первой минуты от этого пса мне не стало покоя. Понимаете, животные ко мне не льнут, я не святой Франциск, которого облепляли

птицы. Животные ко мне равнодушны... как и люди. (*Чуть усмехается.*) Почти всегда. Но этот пес не был равнодушен. С первой же минуты он стал на меня рычать, он бежал за мной и норовил вцепиться мне в ногу. Не то чтобы он кидался на меня как бешеный, нет — он ковылял вслед, но довольно бойко и очень настойчиво, хотя мне всегда удавалось удрать. Он вырвал клочок из моих штанов — видите, вот заплатка; это было на второй день, как я переехал туда, но я пнул его ногой и мигом взлетел на лестницу. (*Недоуменно.*) Как с ним управляются другие жильцы, до сих пор не знаю, но сказать вам правду? По-моему, это он так только со мной. Я его к этому располагаю. Ну вот. Так продолжалось целую неделю, и, как ни странно, только когда я входил, — когда я выходил, он не обращал на меня никакого внимания. Вот что меня занимает. Верней, занимало. Псу вроде бы только и нужно было, чтобы я забрал свои пожитки и ночевал на улице. Однажды я, спасаясь от него, влетел по лестнице в свою комнату и призадумался. И решил. Сначала попробую убить пса добротой, а если не выйдет... так просто убью.

Питера передернуло.

Спокойно, Питер, сидите и слушайте. На другой день я купил целый кулек бутербродов с котлетами, непережаренными, без кетчупа, без лука. По пути домой хлеб я выкинул, а котлеты оставил.

Быть может, следующее должно сопровождаться игрой.

Я приоткрыл дверь — он уже меня ждет в подъезде. Примеривается. И рычит. Я осторожноенько вошел, вынул котлеты из кулька и положил шагах в десяти от пса. Вот так. Он перестал рычать, приняхался и двинулся к котлетам, сначала медленно, потом побыстрее. Дошел, остановился, поглядел на меня. Я ему улыбнулся, так, знаете, заискивающе. Он опустил морду, понюхал и вдруг — гам! — набросился на котлеты. Как будто в жизни ничего не ел, кроме тухлых очистков. Наверно, так и было. Мне думается, хозяйка тоже питается только тухлятиной. Ну вот. Он вмиг сожрал котлеты, попробовал сожрать и бумагу, потом сел и улыбнулся. Даю слово, он улыбнулся; кошки ведь тоже улыбаются, я видел. И вдруг — раз! — как зарычит и как кинется на меня. Но и тут он меня не догнал. Я вбежал к себе, бросился на кровать и опять стал думать о собаке. Сказать по правде, мне было очень обидно, и я разозлился. Шесть отличных котлет почти без свинины, со свининой они такие отвратные... Я был просто оскорблен. Но, поразмыслив, я решил попытаться еще. Понимаете, пес явно питал ко мне антипатию. И мне хотелось узнать, смогу я эту антипатию побороть или нет. Пять дней подряд я носил ему котлеты, и всегда повторялось одно и то же: зарычит, понюхает воздух, подойдет, поглядит, сожрет, гам-гам-гам, улыбнется, зарычит и — раз — на меня! Наша улица уже была усеяна ломтиками хлеба от бутербродов. Я был не столько возмущен, сколько оскорблен. И я решил его убить.

Питер протестующе поднимает руку.

Да не бойтесь вы. Мне это не удалось. В тот день, когда я решил убить пса, я купил только один бутерброд с котлетой и, как я думал, смертельную дозу крысиного яда. А когда я покупал котлету, я сказал продавцу, что хлеба не надо, и думал, что он ответит что-нибудь вроде: котлет без хлеба не отпускаем, или: что ж вы, с руки ее есть будете? Но нет, он любезно завернул котлету в вощеную бумагу и сказал: «Кошечке своей скормите?» Я хотел было сказать: нет, хочу отравить знакомого пса. Но «знакомый пес» — это как-то глупо, и я ответил, боюсь, что слишком громко и

официально: «Да, скормлю своей кошечке». Люди вскинули на меня глаза. И вечно так — когда я хочу упростить дело, люди вскидывают на меня глаза. Но правда, обошлось без усмешечек и всяких там острот. Так. По дороге домой я размял котлету в руках и перемешал с крысиным ядом. Мне было и грустно и противно. Открываю дверь, вижу, сидит это чудище, ждет подачи, а потом на меня кинется. Он, бедняга, так и не сообразил, что, пока он будет улыбаться, я всегда успею удрать. Ну, положил я отравленную котлету, стал на лестницу и жду. Бедный пес вмиг ее проглотил, улыбнулся и раз! — ко мне. Но я, как всегда, ринулся наверх, и он меня, как всегда, не догнал. А ПОТОМ ПЕС СИЛЬНО ЗАБОЛЕЛ! Я догадался потому, что он больше меня не подстерегал, а хозяйка вдруг протрезвела. В тот же вечер она остановила меня у лестницы и сообщила, что ее песика бог вот-вот возьмет к себе. Она даже забыла про свое гнусное вожделенье и в первый раз широко открыла глаза. А глаза у нее оказались совсем как у собаки. Она хныкала и умоляла меня помолиться за бедную собачку. Я хотел было сказать: мадам, если уж мелиться, так за моего соседа в кимоно, за семью пуэрториканцев, за человека в комнатке напротив, которого я никогда не видел, за женщину, которая всегда плачет за дверью, и за всех людей в таких домах, как этот... но я, мадам, не умею молиться. Но... чтобы упростить дело... я сказал, что помолюсь. Она вскинула на меня глаза. И вдруг сказала, что я все вру и, наверно, хочу, чтобы собачка околела. А я ответил, что вовсе этого не хочу, и это была правда. Я хотел, чтобы пес выжил, и не только потому, что я его отравил. Откровенно говоря, боюсь, я этого хотел, чтобы посмотреть, как он будет ко мне относиться.

Питер делает негодующий жест и вообще выказывает признаки нарастающей неприязни.

Вы только поймите меня, Питер, это важно. Поверьте — ОЧЕНЬ ВАЖНО. Мы должны знать результаты наших поступков. (*Глубокий вздох.*) Ну, в общем, пес оклемался. Понятия не имею почему, разве только он потомок того пса, что сторожил врата не то ада, не то еще какого-то теплого местечка. Я не силен в мифологии. А вы?

Питер обдумывает ответ, но Джерри продолжает.

Ну, так или иначе, а пес выздоровел, и хозяйку опять потянуло на джин — все стало как прежде. После того как она сказала, что ему лучше, я вечером шел домой из киношки, где смотрел картину, которую уже видел... а может, она просто ничем не отличалась от тех, что я уже видел... Я шел и так надеялся, что пес меня ждет... Я был... как бы это сказать... одержим?.. заморожен?.. Нет, не то... мне до боли в сердце не терпелось встретиться со своим другом снова.

Питер смотрит на него с насмешкой.

Да, Питер, со своим другом. Именно так. Мне до боли в сердце не терпелось встретиться с моим другом псом. Я вошел в дверь и, уже не осторожничая, прошел до лестницы. Он уже был там... и смотрел на меня. Я остановился. Он смотрел на меня, а я на него. Кажется... кажется, мы стояли так очень долго... словно истуканы... и глядели друг на друга. Я глядел на него дольше, чем он на меня. Собака вообще не может долго выдержать человеческий взгляд. Но за эти двадцать секунд или два часа, что мы смотрели друг другу в глаза, между нами возник контакт. Вот этого-то я и хотел: я любил пса и хотел, чтобы он полюбил меня. Я пытался полюбить и пытался убить; и то и другое в отдельности не удалось. Я надеялся... сам не знаю

почему, я ждал, что собака поймет...

Питер слушает, словно загипнотизированный.

Дело в том, дело в том, что... (*Джерри предельно напряжен.*) Если не получается общение с людьми, надо начинать с чего-то другого. С ЖИВОТНЫХ! (*Говорит гораздо быстрее и словно заговорщик.*) Понимаете? Человек обязательно должен как-то общаться хоть с кем-нибудь. Если не с людьми... если не с людьми... так с чем-то другим. С кроватью, с тараканом, с зеркалом... нет, с зеркалом не годится, это уж последнее дело... С тараканом... с... с ковриком, с рулоном туалетной бумаги... нет, это тоже не годится, как и зеркало. Видите, как трудно — очень мало что годится! С уличным перекрестком и разноцветными огнями, которые отражаются на мокрых тротуарах... со стружкой дыма... и... и с колодой порнографических карт, с сейфом... БЕЗ ЗАМКА... знаться с любовью, с блевотиной, с плачем, с яростью оттого, что хорошенькие дамочки вовсе не хорошенькие и не дамочки, с торговлей телом, которое есть сосуд любви, и я могу доказать это, с истошным воем, оттого что ты никак не умрешь... с богом. Как вы считаете? С богом, а он — в моем соседе, что ходит в кимоно и выщипывает брови, в той женщине, что всегда плачет за своей закрытой дверью... с богом, который, мне говорили, давно повернулся спиной к нашему миру. А иной раз... и с людьми. (*Тяжелый вздох.*) С людьми. Делиться мыслями. Разговаривать. А где лучше, где же лучше в этом унижительном подобии тюрьмы поделиться какой-то самой простой мыслью, как не в подъезде, у лестницы? Где? И попытаться... понять и чтобы тебя поняли... с кем же лучше попробовать, чем с...

Здесь Джерри почти гротескно выказывает утомление.

с собакой... Да, именно с собакой.

Пауза, которая может быть затянута; затем Джерри устало доканчивает свой рассказ.

С собакой. Мне показалось, что это вполне разумная мысль. Как известно, человек — лучший друг собаки. Так вот, мы с этим псом глядели друг на друга, я дольше, чем он. И с тех пор так и пошло. Каждый раз, встречаясь, мы с ним застывали на месте. Мы смотрели друг на друга грустно и чуть-чуть подозрительно, а затем изображали равнодушные. Каждый спокойно проходил мимо другого; мы уже понимали друг друга. Это очень грустно, но согласитесь, все-таки это было взаимопонимание. Мы много раз пытались общаться, но ничего не вышло. Пес возвращался к куче гнилых отбросов, а я беспрепятственно шел к себе. Я понял, что доброта и жестокость, сами по себе и отдельно одно от другого, ни к чему не приводят; и я понял, что в сочетании, одновременно они учат чувствовать. Но какой от этого толк? Мы с псом пришли к компромиссу, к своего рода сделке. Мы друг друга не любим, но и не обижаем, потому что не пытаемся понять. И вот скажите, то, что я кормил собаку, можно считать проявлением любви? А может, старанья пса укусить меня были тоже проявлением любви? Но если нам не дано понять друг друга, так зачем мы вообще придумали слово «любовь»?

Наступает молчание. Джерри подходит к скамье и садится рядом с Питером. Первый раз за все время Джерри садится.

Это конец Истории о Джерри и собаке.

Питер молчит.

Ну что, Питер? (*Джерри вдруг развеселился.*) Ну что? Как думаете, можно назвать

это, скажем, «Незабываемое знакомство», напечатать в журнале и получить пару сотен долларов? А?

Джерри оживлен; Питер встревожен.

Давайте, давайте, Питер, скажите свое мнение.

Питер (*оцепенело*). Я... я не понимаю, что это... Кажется, я не... (*Вдруг почти со слезами в голосе.*) Зачем вы мне все это рассказываете?

Джерри. А что, нельзя?

Питер. Я НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛ!

Джерри (*яростно, но шепотом*). Неправда!

Питер. Нет, правда! Правда!

Джерри (*спокойно*). Я же все старался объяснить, когда рассказывал. Это все связано с...

Питер. НЕ ХОЧУ БОЛЬШЕ СЛУШАТЬ! Я не понимаю ни вас, ни вашей хозяйки, ни ее собаки...

Джерри. Ее собаки! Я думал, это моя собака... Нет. Нет, вы правы. Это ее собака. (*Жадно вглядывается в Питера, качает головой.*) Не знаю, что это мне вздумалось... конечно, вы не понимаете. (*Моноotonно, устало.*) Я живу не в вашем квартале. Я не женат на двух попугайчиках или что там у вас. Я — вечный временный жилец, и мой дом — мерзейшая комнатенка в Вест-Сайде, в Нью-Йорке, величайшем городе мира. Аминь.

Питер. Я... Простите, я не хотел...

Джерри. Ерунда. Бросьте. Вы, наверно, не знаете, как от меня отвязаться.

Питер (*пытается шутить*). Ничего, в издательствах народ закаленный. Хе-хе!

Джерри. А вы шутник. (*Принужденно смеется.*) С вами не соскучишься.

Питер (*скромно, но польщенно*). Ну что вы! Хе-хе!

Джерри. Питер, я вам испортил настроение?

Питер. Должен признаться, я это время рассчитывал провести иначе.

Джерри. То есть я но тот, кого вы ждали.

Питер. Я никого не ждал.

Джерри. Я так и думал. Но я здесь и пока не собираюсь уходить.

Питер (*взглянув на часы*). Вы, конечно, как хотите, но мне пора домой.

Джерри. Посидите еще.

Питер. Мне, право, нужно идти; видите ли...

Джерри (*щекочет Питера под ребрами*). Да ну, бросьте.

Питер (*он страшно боится щекотки и выкрикивает фальцетом*). Нет, я... Ох-х!
Не надо! Перестаньте!

Джерри. Да ну, ерунда.

Питер. Ох, ха-ха-ха! Я должен идти... ха-ха-ха-ха. Ну перестаньте же, ха-ха-ха. Попугайчики... ха-ха-ха... то есть жена уже ждет с обедом. Ха-ха! А эти... как их... дочери накрывают на стол... Перестаньте же, довольно... Ха-ха... (*Почти теряя рассудок*). И мы будем... хо-хо...

Джерри перестает щекотать его, но от щекотки и внутренней напряженности с Питером почти истерика — он хохочет и не в силах остановиться. Джерри смотрит на него с неподвижной насмешливой улыбкой.

Джерри. Питер!

Питер. Ха-ха-ха! Что? Что?

Джерри. Послушайте-ка.

Питер. О, хо-хо! Что... что такое, Джерри?

Джерри (*таинственно*). Питер, хотите знать, что случилось в зоопарке?

Питер. Где? Ха-ха-ха! А, да, в зоопарке. Но сейчас у меня дома свой зоопарк, ха-ха-ха... попугайчики приготовили обед, а эти самые... ха-ха... кошки...

Джерри (*спокойно*). А вы юморист, Питер. Очень смешно. Я даже не ожидал от вас. Но вы хотите узнать, что случилось в зоопарке, или нет?

Питер. Да. Да, непременно, расскажите, что случилось в зоопарке. Ох, не знаю, что эю со мной.

Джерри. Вы сейчас узнаете, что случилось в зоопарке, но сначала я скажу, зачем я туда попал. Я пошел присмотреться, как люди ведут себя с животными и как животные ведут себя друг с другом и с людьми тоже. Конечно, конечно, это весьма приблизительно, так как все они отгорожены решетками, животные от животных, и все животные — от людей. Но что вы хотите, это ведь зоопарк. (*Толкает Питера в плечо.*) Подвиньтесь.

Питер (*добродушно*). Извините, разве вам мало места? (*Чуть подвигается.*)

Джерри (*усмехаясь*). Так вот, там были звери и люди, сегодня ведь воскресенье, там и детей было полно. (*Тычет Питера в бок.*) Еще немножко.

Питер (*терпеливо и добродушно*). Пожалуйста. (*Подвигается; для Джерри остается довольно много места.*)

Джерри. Сегодня жарко, и вонь там была порядочная, толпы народа, продавцы воздушных шаров и мороженого, тюлени ревут, птицы гомонят... (*Толкает Питера сильнее.*) Подвиньтесь.

Питер (*начиная сердиться*). Послушайте, места у вас больше, чем нужно! (*Но он подвигается и теперь сидит на самом краю скамейки.*)

Джерри. Как раз кормили львов, и в клетку к одному льву вошел сторож. (*Щиплет Питера за руку выше локтя.*) ПОДВИНЬТЕСЬ!

Питер (*в сильном раздражении*). Да куда мне двигаться, и перестаньте вы толкаться. Что с вами?

Джерри. Хотите знать, что было дальше? (*Снова щиплет его руку.*)

Питер (*он ошеломлен*). Кажется, не очень! И я не желаю, чтобы вы меня щипали!

Джерри (*щиплет его опять*). Вот так?

Питер. Прекратите! Что с вами?

Джерри. Болван, я же сумасшедший!

Питер. Неостроумно.

Джерри. Слушайте, Питер. Мне нужна эта скамья. Пересядьте вон на ту, и, если будете пайнкой, я расскажу, что было дальше.

Питер (*взволнованно*). Да с какой стати? Что с вами? Чего ради я буду пересаживаться? Каждое воскресенье, если нет дождя, я сижу именно на этой скамейке. Здесь уединенно, здесь никто никогда не сидит, мне здесь нравится!

Джерри (*мягко*). Убирайтесь отсюда, Питер. Я хочу сидеть на скамейке один.

Питер (*почти жалобно*). Нет.

Джерри. Я сказал, что я хочу сидеть один, и кончено. Идите на ту скамейку.

Питер. Человек не может получить все, что хочет. Вы должны бы знать, это

общее правило; человек может получить только часть того, что ему хочется, а всего получить "не может!"

Джерри (*смеется*). Идиот! Тупица!

Питер. Не смейте ругаться!

Джерри. Вы растение! Лопух! Идите лягте на землю!

Питер (*напряженно*). Нет уж, теперь вы меня послушайте. Я терпел почти полдня.

Джерри. Вы преувеличиваете.

Питер. Все равно достаточно долго. Я терпел вас так долго, потому что вы казались... Словом, мне показалось, что вам нужно с кем-то поговорить.

Джерри. О господи, вы мне до смерти надоели... убирайтесь прочь с моей скамейки.

Питер Это моя скамейка!

Джерри (*толкает Питера; тот чуть не падает со скамьи*). Проваливайте, и чтоб я вас больше не видел!

Питер (*усаживается плотнее*). Нет уж, к черту! Довольно! Хватит! Скамейку я не отдам; вы ее не получите, так и знайте. И убирайтесь отсюда вон!

Джерри презрительно фыркает и не двигается.

Убирайтесь, слышите?

Джерри не двигается.

Прочь отсюда!... Хулиган!.. Если вы не уйдете, я позову полисмена.

Джерри смеется.

Предупреждаю вас, я позову полисмена.

Джерри (*мягко*). Тут полисмена не найдешь, они все в западной части парка, они там выволакивают потаскушек из кустов и из-под деревьев. Это их главное дело, так что кричи не кричи — ничего не поможет.

Питер. ПОЛИЦИЯ! Предупреждаю, вас арестуют. Полиция!

Пауза.

Я зову полицию!

Пауза.

Чушь какая-то!

Джерри. Еще бы не чушь: взрослый человек вопит, зовет полицию среди бела дня в парке, где никто его не трогает. Если б какой полисмен и забрел в эту сторону, он, наверно, решил бы, что вы спятили.

Питер (*с беспомощным негодованием*). Боже правый, я пришел сюда спокойно почитать, а вы вдруг отнимаете у меня скамейку. Вы сошли с ума.

Джерри. Ну что ж, сейчас я, как говорится, открою вам глаза. На вашей драгоценной скамейке сажу я, и вам больше не владеть ею в одиночку.

Питер (*в ярости*). Слушайте, а ну-ка прочь с моей скамейки! Плевать мне, разумно это или нет. Я хочу сидеть один. Убирайтесь отсюда!

Джерри (*издевательски*). О! О! Оно и видно, кто с ума сошел.

Питер. Убирайтесь!

Джерри. И не подумаю.

Питер. Последний раз предупреждаю!

Джерри. Знали бы, какой у вас сейчас дурацкий вид!

Питер (*в ярости и смущении*). Это не важно. (*Чуть не плача.*) Вон с моей

скамейки!

Джерри. А почему? У вас есть все, что вам нужно, — и дом, и семья, и даже собственный маленький зоопарк. У вас есть все на свете, а теперь вам понадобилась еще и эта скамья. Разве за это борются люди? Скажите, Питер, вот эта скамейка, это дерево и железо — дело вашей чести? Самое главное, за что вы ведете борьбу? Какой абсурд!

Питер. Абсурд? Послушайте. Я не собираюсь рассуждать с вами о чести и ничего не желаю объяснять. Кроме того, это вовсе не дело чести, а даже если и так, вы все равно не поймете.

Джерри (презрительно). Вы сами не знаете, что говорите. Наверно, вы впервые в жизни столкнулись с чем-то потруднее, чем менять вашим кошкам песочек. Глупый вы человек! Вы и малейшего понятия не имеете о том, в чем нуждаются другие.

Питер. Ну, опять завели! Вам-то, во всяком случае, эта скамейка не нужна. Это уж наверняка.

Джерри. Нет, как раз нужна.

Питер (дрожая от негодования). Я сюда прихожу много лет; здесь мне удивительно хорошо, спокойно, тихо. И мне это очень важно. Я человек основательный, и я вам не мальчишка! Это моя скамья, и вы не имеете никакого права отбирать ее у меня!

Джерри. Тогда деритесь за нее. Защищайте себя и свою скамью.

Питер. Вы меня сами на это толкаете. Вставайте, будем драться.

Джерри. По-мужски?

Питер (вне себя от злости). Да, если вы не прекратите надо мной издеваться.

Джерри. А знаете, я даже начинаю вас уважать... Вы, конечно, растение, и довольно глупое...

Питер. Прекратите, слышите?

Джерри. ...но вы не лишены достоинства, Питер, и это меня даже удивляет...

Питер. Прекратите!

Джерри (лениво поднимается). Ну прекрасно, будем драться за скамейку, только силы у нас неравные. *(Вынимает и с громким щелчком открывает устрашающего вида нож.)*

Питер (вдруг осознав положение). Сумасшедший! Вы буйно помешанный! Вы хотите меня убить!

Но прежде чем Питер успевает сообразить, что делать, Джерри швыряет нож к его ногам.

Джерри. Берите. Пусть нож будет у вас, так мы немножко сравняемся силами.

Питер (в ужасе). НЕТ!

Джерри (бросается к Питеру и хватается за воротник. Питер вскакивает. Их лица почти вплотную друг к другу). Сейчас же берите нож и будем драться. Вы будете драться за самоуважение, вы будете драться за эту скамейку.

Питер (стараясь вырваться). Нет! Ну... пустите меня! Помо... помогите!..

Джерри (дает Питеру затрепину при каждом слове «дерись»). Выродок несчастный, дерись за свою скамейку; дерись за своих попугайчиков и кошек, дерись за своих двух дочек, дерись за жену, дерись за свое мужское начало, жалкое

растение! *(Плюет Питеру в лицо.)* Ты даже не сумел сделать жене сына!

Питер *(в ярости, вырывается наконец).* Мужественность здесь ни при чем, это вопрос генетики, ты... ты, чудовище! *(Бросается к ножу, хватая его и, тяжело дыша, отступает назад.)* В последний раз говорю: убирайся отсюда и оставь меня в покое! *(Крепко сжимает нож, вытянув перед собой руку не для нападения, а для защиты.)*

Джерри *(тяжело вздохнув).* Ну что ж, пусть будет так.

Рванувшись вперед, Джерри с разбегу натывается грудью на нож в руке Питера. Секунда полной тишины, Джерри пронзен ножом, который еще крепко сжимает в руке Питер. Затем Питер вскрикивает, отдергивает руку, оставив нож в груди Джерри. Джерри стоит неподвижно, затем испускает крик — это крик разъяренного и смертельно раненного зверя. Спотыкаясь, он идет к пустой теперь скамье и опускается на нее. Приваливается к спинке, лицом к Питеру. Рот его открыт, глаза расширены от боли.

Питер *(шепотом).* О боже мой, боже мой, боже мой... *(Много раз, очень быстро повторяет эти слова.)*

Джерри *(Он умирает, и выражение его лица теперь изменилось, стало мягче, спокойнее. Голос его иногда срывается, но он как бы перебарывает смерть. Он улыбается.)* Спасибо, Питер. Всерьез говорю тебе спасибо.

У Питера отвисает челюсть. Он не в силах двинуться с места; он оцепенел.

Ох, Питер, я так боялся, что я тебя спугну... *(Силится засмеяться.)* Ты не знаешь, как я боялся, что ты уйдешь и я опять останусь один. А теперь я расскажу, что случилось в зоопарке. Мне думается... мне думается, в зоопарке случилось вот что... Когда я был в зоопарке, я решил, что буду идти на север... то есть в северном направлении... пока не встречу тебя... или еще кого-нибудь... и я решил, что я с тобой заговорю... нараскажу всякого... такого, что тебе не... И вот что вышло. Видишь? Вот что вышло. Но... не знаю... это ли я задумал? Нет, вряд ли... Хотя... наверное, именно это. Ну, теперь ты знаешь, что случилось в зоопарке, правда? И теперь ты знаешь, что прочтешь в газете и увидишь по телевизору... помнишь насчет лица, я говорил тебе о лице... меня ты увидишь, мое лицо, вот это самое лицо, Питер... Питер!.. Спасибо. Я тебя встретил... *(Слабо смеется.)* И ты мне помог. Славный Питер.

Питер *(почти в обмороке).* Боже мой!

Джерри. Ты лучше иди. Кто-нибудь может прийти, ты ведь не хочешь, чтобы тебя здесь застали?

Питер *(не трогается с места и начинает плакать).* О боже мой, боже мой!

Джерри *(слабеющим голосом, смерть вот-вот наступит).* И больше не приходи сюда, это уже не твое место. Ты лишился скамейки, но защитил свою честь. И вот что я тебе скажу, Питер, ты не растение, пет, ты животное. Ты тоже животное. А теперь беги, Питер. Беги, слышишь? Гляди... *(Достает платок и с большим усилием стирает с ручки ножа отпечатки пальцев.)* Беги отсюда, Питер.

Питер, пошатываясь, делает несколько шагов.

Стой... стой, Питер. Книгу возьми... книгу. Вот, на твоей скамье... нет, теперь на моей... Иди... возьми книгу.

Питер подходит было за книгой, но отступает назад.

Скорей же... скорей.

Питер подходит к скамье, хватает книгу и отступает назад

Правильно. А теперь удирай.

Питер колеблется, затем убегает налево.

Удирай... (*Джерри закрывает глаза.*) Беги, попугайчики сварили обед... кошки...
накрывают на стол...

Питер (за сценой, жалобный вопль). О БОЖЕ МОЙ!

Джерри (с закрытыми глазами качает головой; презрительно передразнивает Питера, и вместе с тем в голосе его мольба). О... боже... мой...
(Умирает.)

Занавес